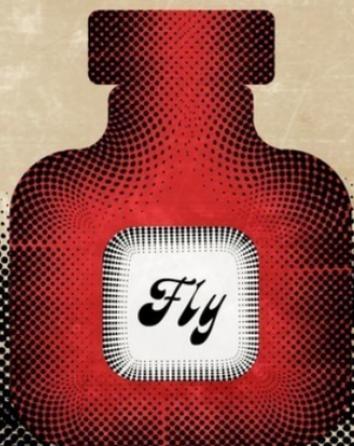

Михаил Панферов
Инок Василий

Святочный рассказ

АЛКОГОЛИЗМЪ —

НЕ ШУТКА! ВЫПИТЬ —
БУДЬ СЕРЮЗЕНЬ!

Михаил Панферов Инок Василий. Святочный рассказ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36080197
ISBN 9785449322456*

Аннотация

Говорят, литература по-настоящему талантлива лишь когда ее автор точно знает, о чем пишет. «Инок Василий» – одна из таких книг. Нет, автор не испытывал на себе «прелести» алкогольного делирия, но кое-кто охотно делился с ним впечатлениями. Автор не страдал эпилепсией, но видел припадки собственными глазами. «Инок Василий» – дерзкая смесь Сологуба, Булгакова и Стивена Кинга, а еще правдиво рассказанная история. Настолько, насколько может быть правдива повесть мистического жанра.

Содержание

1. По шапоточке	5
2. Ищите и обряцете	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Инок Василий

Святочный рассказ

Михаил Панферов

© Михаил Панферов, 2018

ISBN 978-5-4493-2245-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. По щапоточке

Нет, без бэ: Вовка Ганибесов нормальный мужик. Из наших, кому на лбу написано «пахать», а на затылке «без выходящих». Можно сказать, на все руки... По молодости в ансамбле от тракторного лабал, всякую там «любовь, комсомол и весну» жарил, да и так: и проводку один проведет, и паркет положит так, что потом и циклевать не надо, и отделку и столярку и слесарку – все знает. Дома сам и обед сгношит, сам все постирает, заштопает. Короче, ценят его и на фирме, и вообще. Только... Жрет, словом. Оно, конечно, мы все не без греха, но Вовка за свои пятьдесят годов столько уже выжрал, что ему, наверно, хватит. Как с дембеля откинулся, на завод пришел, там, понятно, каждый день болтушка. На кондитерской работал, – там чулим в чайничке литров на десять стоял, тоже каждый день. Как государство гакнулось, – не работал, брынцаловкой, максимкой точечной пробавлялся, а-то и, не дай бог, стеклоочистителем. Потом в какой-то воинской части калымил: там спирт хреначили, может, и технический. Потом у нас. Ну а у нас известно, что. Бывает, недельку и на попе посидим, зато, как получку получим, так хоть коньяк три звездочки, хоть самогонку эту ихнюю, которую в честь скотча назвали, хоть, самое, что ни на есть шампанское вино. Короче, что только душа примет. Да, и как не пить, если нам шеф в обед всякие там салати-

ки-пиццы привозит, всякими йогуртами нас травит? Если только кому супруга тормозок с собой завернет, а так эта ресторанный жратва без ста грамм и в глотку не полезет. Хоть и нельзя, а приходится: не пропадать же добру...

Нормальный мужик Вовка, только организм у него не так, как у всех устроенный. Не может он каждый день, да по чуть-чуть, да без отрыва от производства. Заводной он. Может полгода в рот не брать, а стопку жажнет, и понеслась душа в рай. Будет керосинить, пока желудок в горле не застрянет. Неделю, а-то и две, на бюллетне, считай. Шеф, конечно, ничего, знает, – прочухается, придет, отработает. Шефу главное, чтоб на рабочем месте ты как стекло был, а Вовка это блюдет. Только вот, жалко его, бедолагу. И жена у него через это дело ушла, и сын нос от него воротит. Оно понятно, кому охота с ним, с заблеванным нежности разводить – он ведь, когда денька три, да под этим делом дома кантуется, – весь моральный облик строителя коммунизма напрочь теряет. Да и отходняки у него, не дай боже никому. Иной раз такого понарасскажет, – волосья дыбом штырятся. Вобщем, кабы не такие вот Вовкины косяки, ничего этого, может, бы и не было. Отвечаю, без бэ. А случилось как:

Года четыре назад вернулись мы с объекта, с Москвы, под самое тридцать первое декабря. С Москвы-то до нас часа четыре на автолайне шкандыбать. Выехали, еще вечер был, а приехали в час ночи. В маршрутке водила печку включил, Ташкент устроил, а тут, – вылезает – дубильник жут-

кий, снег такой мелкий, серебристый в свету фонаря крутится. Ветер воет, темень... Только магазин круглосуточный, где телефонами торгуют, весь желтым неонам светится. Вот до чего, мужики, никак не допетрю: на хрена кому-то ночью телефоны нужны?

Вино – хрен вам по всей харе! А телефоны – пожалуйста, хоть жопой ешь!..

Короче, праздники на носу, по домам-по бабам расхотиться не охота, а получка-то на кармане ляжку жгет, а выпить-то в такой мороз да после тяжелых трудовых будней, это ж сам Бог велел! А в магазине вино, как водится, с двадцати одного ноль-ноль не продают. Ну, Веня-бугор и предложи:

– Мужики, я, грит, одно заведение знаю интересное. Оно шас работать должно. Может, слётаем?

Мы и слётали. По случаю на такси прокатнулись. Там, конечно, все как полагается, все по первому разряду. Елочки, мишура разная новогодняя, фонарики цветные перемигиваются, столики, музыка, пары танцуют, какой-то мерин в микрофон про белого лебедя на пруду во всю дурь дьячит. Сели. Официант, пидорок белорубашечный, подскочил к нам и говорит: вина, мол, нету. Ну, так Веня-бугор там кое-с кем побазарил и оно появилось. Короче, заказали вина, закуси разной, а Вовка, чтоб от коллектива не отбиваться, бутылку ситра себе купил: мужики-то знают, какой он, потому и не предлагают даже. Здравие его блюдут. Приняли по шапоточке,

начали базары базарить, а конкретнее, – орать, потому что и музыка ведь орет. Все про свое: про работу, про баб, про Путина, про хохлов, про Америку... Мы пьем, а Вовка ситром своим давится и на нас как побитая собака глядит. Тут, Альфредыч, штукатур наш, и ляпни тост:

– За нас, грит, за трудовую кость, потому как все на нас держится и ни хрена они без нас не смогут: обделаются! Даже Путин и тот ни хрена без нас не сможет!

И тут у Вовки зачесалось:

– Эх, грит, гори оно все ацетиленовым огнем! Не могу, мол, за это не выпить!

Мы ему:

– Слышь, Вован, может, ну ее, а? – очко-то за него играет.

А он:

– Да, идите в шанду! У меня, грит, может, тоже душа за нас за всех болит! Сделайте доброе дело!

Ну, мы и сделали... на свою голову. И понеслось. Долбанул Вован, раздухарился. Мы-то ему, было, накапали поменьше, а он в обиженку: вы что, вашу мать, краев не видите? Вот так с нами одну, другую. А много ли ему надо-то? Слётал в сортир, проблевался малясь с отвычки, возвращается, видит, – напротив нас подруга какая-то сидит. Так себе, на пьяный глаз, и ничего, фигуристая. Платице черенкое, висюльки какие-то. Сама лет за тридцать, морда лица малость помятая, да под штукатуркой и не особо видать. Глазищи соловые с зеленцой, губы красные, волосы бледные,

прилизанные. Шалашовка – не шалашовка, дама – не дама...
господь ее разберет. Сидит одна за кружкой дежурного пива.
Скучает. То ли танцевать не зовут, то ли сама гребует.

Кстати, вот, еще чего: это Вовка уже потом, как в штопор
войдет, на дому отлеживается, харчами хвалится. А понача-
лу его по жизни на приключения тянет. Любит он это дело
и умеет находить на свою задницу. Да и вообще, мужик он
видный. Башка, конечно, седая, но сам как огурец: высокий,
статный... не скажешь, что полтинничек человеку. Глотнул
Вовка еще соточку, – а тут как раз «за окошком снегири»
мерин задьячил – его любимую, – да и подкатил к этой по-
друге: мол, туда-сюда, базар-вокзал, давай потанцуем. А по-
друге, видать, только того и надо было:

– С удовольствием, грит.

Музыка долбит, мерин про женщину, любимую заливаает-
ся, на потолке шарик зеркальный зайцев разбрасывает. Ин-
тим – красота. Вован, – боялись упанет, – а он с подружкой
вальсирует, – загляденье просто! В натуре пионер на выпуск-
ном. Как музыка кончилась, Вовка на ее столик перебрался.
Заказали они еще чего-то и стал он ей вкручивать:

– Мол, сестричка, родная, все будет в шоколаде и по клас-
су люкс: мол, ты – красивая, незамужняя, я – красивый,
неженатый... ща нам всякого интересного вина подгонят,
и дуем ко мне. И все пучком. И все венником. – Такси по со-
товому вызвонил: все как надо, все по-взрослому.

А у ней ресницы намазанные морг-морг. Звать ее, значит,

Валя. Муж у ней, значит, пидорас, и поэтому она не против. Короче, не успели мы даже еще по паре соток на грудь принять, а Вовка клифт ейный на нее накиннул и к выходу поволол. Мы ему:

– Вован, куда, мол?

А он только руки сцепил и над головой потряс: мол, все нормалек, мужики.

Разгулялся... таксисту пять косарей сунул, а тот и рад стараться: все пучком! Все по-взрослому!..

2. Ищите и обрящете

Шалашовка, конечно, оказалась эта Валя. Но принципиальная. Выгребла, овца, всю зарплату с лопатника: (видать, на такси), правда, пару тысконок оставила. Знала: мужик утречком с бодуна подыхать будет. Да и правду сказать: обидно ж бабе! Приволок, напоил, птичьим молоком угощал, песни народные-блатные-хороводные под гитару шпарил, а как до самого интересного дошло, – мощи не хватило. И не то, чтоб на полшестого, а так... Красавица эта только лифчик с себя скинула, а Вован возьми и отрубись. Стыдобушка!

Короче, просыпается Вовка по утрам, треники свои дражные натягивает, кой-что со вчерашнего припоминает и на попу садится. В башке черти что-то перфоратором хреначат, во рту скотобаза, руки такие, что как по малой нужде пойдешь, пару раз кончить можно. Вина нету, денег, через красаву эту приبلудную, овцу, теперь особо не разгуляешься, а нынче ведь праздник, тридцать первое число... Вот она, подлость-то жизни! Вино, правда, есть, да только не то это вино. Как так, не то?.. Да вот так. Просто надо сечь вованову психологию. У него на комнате на одной стороне диван стоит, там, шкаф, а на другой – книжные полки висят. Книжек там никаких нет, конечно, зато много чего другого имеется. Там он пузырярей десять всякого дорогого импортного вина

себе подогнал. Но не чтобы пить, а для красоты. У Вована на квартире, типа, все для красоты. Коробки пустые чайные, пачки разные от мальборо, которое он ни в жисть не курит, расставлены для красоты. Мерзавчики всякие с одеколоном для красоты. Бабы на стенке голые висят – типа, опять для красоты, а между ними божья мать Мария, ну, которую итальянец этот... ну как его... Леонард, Довинченный нарисовал. Тоже для красоты. Он ее когда-то из «огонька» вырезал, на фанерку приклеил, лаком залил и еще политурой отхреначил. Страшная вещь – красота в вовкином понимании...

Ну, так вот, короче. Повздыхал Вовка малясь на судьбу, Валю эту, овцу, про себя выmaterил... А, надо ж как-то суетиться, елы-палы! Бодун, Новый год и вообще. Морда в зеркале у него глянулась красная, мятая, квелая как базарный помидор с бочками. С таким мурлом лучше на улицу не соваться: надо ж ведь престиж блюсти, красоту. Он и с алкашей-то на подъезде редко кантуется: – престиж блюдет. Да и холод сучий небось на улице-то, а человек в таком состоянии. Выгреб он из пепельницы бычок подлиньше, цапанул, охнул, – в башке-то ведь от никотина еще круче заходило, – взял свой лопатник дистрофический, да и поперся на третий этаж к Алкаше. Алкаша – корешок его закадычный. Ну как корешок... Когда Вовка тверезый, он Алкашу напрочь игнорирует, даже здороваться забывает. А как с бодунища, тут Алкаша, друг, выручи. Да Алкаша на него не в обиде: он Вовкину натуру знает, знает, что Вован, когда и пождится,

а когда и последний рупь с лопатника сгребет ради общего дела. А что здоровкаться забывает, так я говорю, престиж!

Спускается на лифте. Звонит. Открывает ему Алкаша: трезвый, выбритый, смурый. Морщины на цыганистой хारे как будто черными нитками простеганы, глаза серьезные, с маемой. Видать, супружница контролирует, чтоб до того, как старый год провожать, никакого опохмела.

Вовка ему с порога:

– Здорово Аркадий, туда-сюда, помираю: сделай доброе дело, слётай, а? – и косарь вытаскивает.

Алкаша еще не успел варешку раскрыть, а с комнаты уже слышится:

– Кто там? – и выплывает центнер живого мяса в бигудях и в платье горохами.

Алкаша в ответку:

– Извини, так, мол, и так: сосед, закурить... – и Вована грудью заслоняет, как Александр Матросов амбразуру. Да, только это все без толку. Супруга алкашина Вовку увидала, Алкашу, благо щуплый он как глиста, от двери кормой оттерла, и говорит:

– Опять ты, грит, пришел мужика с пути сбивать? Нынче праздник великий: опять нарежетесь с утра как мерины, а вечером мне его, где искать прикажешь? Не подумал? Так, мол, и так: никаких тебе поллитр не будет. Давай, ступай, не сбивай мне мужика! – и дверь ему прямо перед носом хренак-с!

Постоял Вовка перед алкашиной дверью, репу почесал...
Что делать? Побег к Сереге Кащенскому на сто тридцать
третью квартиру. Позвонил-позвонил – хрена! Потом вспом-
нил: его же давче на «санаторий» загорать услали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.